

УДК 81'25:811[161.1:162.1]

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ПЕРЕВОДЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО
ТЕКСТА НА РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

Хруль С.

Статья посвящена анализу лексических и грамматических трансформаций в переводе научно-публицистического текста с русского языка на польский. Не исключая выделение в рамках текста более мелких единиц, автор настаивает на том, что главной единицей перевода является именно текст, ибо только при таком подходе достигается эквивалентность оригинала и текста перевода. Рассматривая особенности и проблемные зоны перевода текста книги Н. Эппле «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах», автор призывает к выбору стратегии функционально-адекватного перевода, при котором важно сохранить и передать доминирующее сообщение даже при существенных различиях культур.

Ключевые слова: перевод, русский язык, польский язык, лексические и грамматические трансформации, научно-публицистический текст.

**LEXICAL AND GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS
IN TRANSLATION: A CASE OF SCIENTIFIC AND PUBLICISTIC
TEXT IN RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES**

Chrul S.

The paper is focused on the analysis of lexical and grammatical transformations in the translation of scientific and publicistic text from Russian into Polish. Taking into consideration smaller units within the text, the author insists that the main unit of translation is the text itself, because only with this approach the equivalence of the original and the text of translation is achieved. Considering the text translation peculiarities and problem areas of the book “An inconvenient past. The memory of the state crimes in Russia and other countries” by N. Epple the author urges to choose the strategy of functionally adequate translation, in which it is

important to preserve and transmit the dominant message, even if the cultural differences are significant.

Keywords: translation, Russian, Polish, lexical and grammatical transformations, scientific and publicistic text.

Переводческая деятельность всегда стремится к адекватности и точности передачи смыслов. Анализируя её генезис, Н.В. Валеева отмечает: «Своеобразие национальных языковых картин мира и множественность культур создают определенные трудности при переводе, что и порождает дискуссию о переводимости/непереводимости с одного языка на другой. Однако эти трудности не являются непреодолимым препятствием для взаимопонимания народов...» [3, с. 34].

Это очень важное замечание, собственно, и побудило автора данной работы заняться переводом. Переводческая деятельность в своей основе является доброкачественной, поскольку она содействует межнациональному и межкультурному диалогу, возможно, как никакая другая. Понтификами – строителями мостов – называют обычно Римских Пап, поскольку именно они обладали достаточными материальными ресурсами для того, чтобы строить мосты в средневековой Италии. Однако переводчики – это тоже своего рода «понтифики», только в ином, метафорическом смысле этого слова: они строят мосты между культурами.

Представляется очевидным, что языки отражают действительность асимметрично. Асимметрия наиболее отчетливо заметна в случаях, когда разные лингвоэтнические общности по-разному отражают и описывают действительность в соответствии с национальным восприятием и национальной семантической картиной мира [см.: 4, 11].

Анализ истории перевода показывает, что всегда, на протяжении разных этапов развития человечества, существовала противоречивость в понимании нормы перевода и его правил [см.: 1; 10]. Английский исследователь Т. Сэвори при попытке свести воедино требования, предъявляемые к переводу

различными авторами, получил целый список взаимоисключающих принципов, отражающих изменчивость переводческой нормы. Этот список свёл в таблицу В.Н. Комиссаров и привёл ее в своем фундаментальном труде «Современное переводоведение» [6, с. 107-108].

Таблица 1.

Сравнение принципов переводческой деятельности

Перевод должен передавать слова оригинала	Перевод должен передавать мысли оригинала
Перевод должен читаться как оригинал	Перевод должен читаться как перевод
Перевод должен отражать стиль оригинала	Перевод должен отражать стиль переводчика
Перевод должен читаться как произведение, современное оригиналу	Перевод должен читаться как произведение, современное переводчику
Перевод не должен допускать добавления и опущения	Перевод может допускать добавления и опущения
Перевод стихов должен осуществляться в прозе	Перевод стихов должен осуществляться в стихах

Не исключая выделение в рамках текста более мелких единиц, мы согласны с теми исследователями, которые считают главной единицей перевода именно текст. Для этого есть несколько оснований.

1. Текст представляет собой единое смысловое целое, которому подчинены все остальные смыслы внутри него. Соответственно, выдернутые из текста элементы невозможно адекватно перевести, не зная смысла всего текста. Так или иначе, переводчик постоянно соотносит варианты перевода с цельным смыслом текста, с особенностями его композиции, чтобы добиться баланса разных частей на макроуровне. В частности, синонимия языковых средств позволяет переводчику иметь несколько равноценных вариантов перевода, и процесс выбора связан прежде всего с уместностью варианта в более широком контексте всего дискурса. Исследователи отмечают, что процесс принятия решений при переводе может быть как многоступенчатым приближением к оптимальному варианту, так и интуитивным обретением адекватного, точного слова.

2. Текст является основной единицей перевода в силу известного общепhilosophического принципа преобладания целого над частью. Очевидно, что перевод никогда не бывает полным, определенная информация неизбежно утрачивается или изменяется. И вот как раз при оценке значимости этих потерь при переводе важно понимать, что для сохранения целостности смысла всего текста можно пренебречь второстепенным, то есть пожертвовать менее существенными деталями ради правильного, эквивалентного общего содержания.

Таким образом, эквивалентность оригинала и текста перевода достигается при наиболее полном (настолько, насколько это возможно) воссоздании в тексте перевода всей разнообразной информации (не только текста, но и контекста), которая есть в оригинальном тексте. При этом важно, чтобы у читателей или слушателей возник единый коммуникативный эффект – при разности языков и культур.

Важно отметить, что особую значимость переводческая деятельность приобрела с середины XX в. благодаря всё возрастающей интенсивности международных контактов. Один из исследователей назвал XX в. «веком перевода» [12, с. 15], что тем более справедливо для XXI столетия. Несмотря на бурное развитие машинного, компьютерного перевода, перевод «человеческий» остаётся важнейшим видом деятельности для обеспечения взаимопонимания между народами.

Занимаясь переводом на польский язык фрагмента книги Н. Эппле *«Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах»* [14], мы обратили внимание на ряд общих переводческих трансформаций, речь о которых пойдёт ниже.

Автор книги окончил классическое отделение историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета и аспирантуру Института философии Российской академии наук. Он является специалистом по истории западноевропейской литературы, а также переводчиком К.С. Льюиса и Г.К. Честертонa. В своей научно-

публицистической книге Н. Эппле применил метод сравнительного анализа, изучив опыт преодоления неудобного, неудобного прошлого в Германии, Японии, Аргентине, Испании, ЮАР и Польше. Автор призывает признать ответственность за ошибки прошлого, а не винить в этом внешние силы. С точки зрения автора Россия является единственной в своем роде страной, которая никак не может справиться со своим прошлым.

Актуальность книги подтверждена несколькими престижными премиями, самая важная из которых – премия «Просветитель-2021», и переводами на ряд иностранных языков (в частности, английский и немецкий).

Следует подчеркнуть два аспекта, непосредственно повлиявшие на этот выбор: злободневность темы и суггестивность, убедительность научно-публицистического жанра. Особая популярность научно-публицистического жанра, которая проявилась в последние годы в вирусном распространении *лонгридов* и познавательных сайтов (в России это – *Постнаука*, *Мел*, *Троицкий вариант*), может быть описана статистически, в количественных индикаторах. Однако, на наш взгляд, не менее важно качественное измерение этого жанра: он привносит в публичный дискурс – помимо субъективных размышлений автора – научную точность, убедительность и надёжность.

Книга Н. Эппле привлекла наше внимание очень важным, на мой взгляд, и очень слабо артикулированным в российской публичной сфере тезисом: «Возможность *договориться* о прошлом, почти всегда похожа на торг, в котором приходится чем-то жертвовать». То есть та информация, которую нам выдают в качестве *правды о прошлом* – это сконструированная, компромиссная правда, результат взаимных уступок. И вот что важно: чем больше участники обсуждения готовы к компромиссу, тем успешнее работает механизм *уклонения* от ран прошлого.

Дело в том, что, как показывает наш опыт чтения исторической литературы, государство всегда находит много политических и юридических причин, чтобы не принимать на себя ответственность за собственные

преступления, пусть и совершенные другими людьми, но от имени этого же государства.

Важный вывод книги состоит в том, что одна только историческая наука не способна разобраться с трагическим наследием XX в. Поэтому для преодоления этого наследия нужны не новые академические труды (статьи и монографии), а необходимы научно-публицистические тексты, интересующие широкую аудиторию, что приводит к вовлечению в публичный диалог большое количество граждан.

Автор использует как российские, так и иностранные источники. В своем труде он основывается на обширном корпусе исторической, юридической и политологической литературы, описывающей конкретные ситуации в избранных для анализа странах – Германии, Японии, Аргентине, Испании, ЮАР и Польше. Список источников является обширным и разнообразным, он убеждает читателя в том, что научно-публицистический текст глубоко фундирован, а выводы автора основаны не на субъективных спекулятивных рассуждениях, а на богатом фактическом и аналитическом материале.

Реципиентом данного текста может быть широкий круг читателей, интересующихся «трудным прошлым» не только России, но и других стран. Разумеется, желательно, чтобы читатель книги обладал базовыми знаниями по истории, но это – необязательное требование, поскольку автор умело и профессионально вводит аудиторию в исторический контекст, описывая основные события, вовлечённые в них субъекты и социальный контекст. Такой «просветительский» подход к читателю представляется нам очень важным, ибо он в значительной степени расширяет потенциальную аудиторию книги и несёт в себе основательные исторические сведения, значительно превосходящие основной источник современного популярного знания – «Википедию».

В частности, в главе о Польше читатель, который никогда даже не слышал о «Солидарности» или о «круглом столе», не знает имён Тадеуша Мазовецкого и Леха Валенсы, не представляет, что случилось в *Едвабне* [см.: 5; 15], и впервые на страницах книги встречается с «проклятыми солдатами»,

получает корректную историческую информацию, которая была кропотливо собрана автором и преподнесена адекватно и понятно.

В тексте преобладает когнитивная информация, однако встречается и эмоциональный тип информации, воздействующий на чувства реципиента. Например, автор так даёт свою личную оценку: «Гимн Польши, написанный в 1797 году в Италии, – свидетельство не торжества и гордости, а упорства по ту сторону отчаяния».

Научно-публицистический жанр не оставляет больших шансов для эстетической информации, однако автор в некоторых случаях прибегает к очень удачным и, на наш взгляд, красивым метафорам (например, «бремя жертвы»). Вкус Н. Эппле оттачивался в процессе перевода высших образцов английской публицистики и христианской апологетики (Г.К. Честертон, К.С. Льюис, кардинал Дж. Ньюмен), что, несомненно, повлияло на стиль книги – она легко читается и богата эстетическими элементами, ориентированными на интеллектуальную публику с общим культурным кодом.

В избранной нами для перевода главе «Польша, или Бремя жертвы» [14, с. 217-244] автор популярно и просто излагает польскую историю для российского читателя, в то же время он предоставляет широкую палитру источников для тех, кто хотел бы ознакомиться с ней подробнее. Разумеется, что в этих источниках есть системное смещение в сторону тех текстов, которые совпадают с точкой зрения автора, в то время как противоположная точка зрения представлена в меньшей степени (но, справедливости ради надо отметить, что она всё же представлена).

Переводческие трансформации: подходы и дефиниции

Понятие «трансформации» пришло в переводоведение из «трансформационной грамматики», основоположником которой принято считать Н. Хомского. Трансформационная грамматика анализирует правила порождения синтаксических структур с похожим планом содержания, но принципиально различным планом выражения [см.: 8, с. 143-146].

Согласно В.Н. Комиссарову, переводческая (межъязыковая) трансформация – это преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода [7, с. 248]. Л.С. Бархударов описывает этот термин более подробно и называет переводческими трансформациями «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности ("адекватности перевода") вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [2, с. 190]. Л.К. Латышев обращает особое внимание на семантические аспекты переводческих трансформаций и определяет их как намеренные отступления от структурного и семантического параллелизма между исходящим и переводящим текстами для достижения равноценности содержания [9, с. 34].

В этой терминологической дискуссии любопытное замечание сделал А.Д. Швейцер. Он напомнил, что в переводоведении термин *трансформация* имеет ярко выраженный метафорический смысл, поэтому не нужно его избыточно алгоритмизировать и следует описать в более общем и простом виде: «На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой» [13, с. 118]. По мнению исследователя, переводческие трансформации являются по существу операциями «перевыражения» смысла.

Настаивая на необходимости или крайней желательности передачи не только искомого смысла, но и, по возможности, соответствующего эстетического эффекта, Р.К. Миньяр-Белоручев называет трансформацией «изменение формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи» [10, с. 201].

Различаясь в своих дефинициях, большинство лингвистов сходятся в том, что переводческая трансформация подразумевает прежде всего целевой аспект, который заключается в достижении максимально возможной точности в соотношении между исходным текстом и текстом перевода.

К лексико-семантическому уровню переводческих трансформаций принято относить *транслитерацию, транскрипцию, калькирование, модуляцию (смысловое развитие), генерализацию (расширение), конкретизацию (сужение), добавление, опущение и лексические замены.*

Рассмотрим более подробно каждый из этих видов трансформаций.

При **транслитерации** воспроизводится буквенный состав иноязычного слова. Так поступают при переводе географических названий, личных имен и фамилий, имен собственных, названий образовательных учреждений. Например, чтобы иностранцу было легче спросить у москвича, где находится станция метро *Тимирязевская*, воспроизводится буквенный состав слова – *Timiryazevskaya*.

При **транскрипции** воссоздается звуковая форма иноязычного слова, производится его фонетическая имитация, независимо от его написания. Например, *Grzegorz Pomorski* – *Гжегож Поморски*, *Sarah Smith* – *Сара Смит*.

Калькирование заменяет морфемы или слова их лексическими соответствиями в языке перевода. Например, *Rzeczpospolita* – *Речь Посполитая*. Иногда изменяется порядок следования калькируемых элементов: *opieka medyczna* – *медицинская опека*.

Модуляция основана на принципе замены причины на следствие (и наоборот). *At least four shots were fired, but the policeman wasn't hurt.* – *Было выпущено как минимум четыре пули, но все они прошли мимо.* В данном случае следствие *the policeman wasn't hurt* (полицейский не был ранен) заменено на причину *пули прошли мимо*.

Генерализация (расширение) предполагает более широкое значение в переводе, нежели в исходном тексте. Например, *информационный стенд* – *tablica informacyjna*. Так как *стенд* имеет более узкое значение, чем *tablica*.

Конкретизация (сужение) противоположна генерализации и сужает значение исходного текста. Например, *собираются* – *uczestniczą*. Так *собираются* имеет более широкое значение, чем *uczestniczą*.

Добавление используется в случаях, когда язык оригинала более компактен, а язык перевода требует более развернутой фразы. Например, *Речь Посполитая располагалась в XVI-XV веках на территориях нынешних Польши, Литвы, Украины, Белоруссии и России, что оборачивалось крайне сложными отношениями с этими нациями.* – *Rzeczpospolita w XVI-XV w. zajmowała tereny obecnej Polski, Litwy, Ukrainy, Białorusi i częściach południowo-zachodnich Europejskiej Rosji, co skutkowało niezwykle trudnymi relacjami z tymi narodami.* В данном случае нам пришлось дать пояснение, т.к. Речь Посполитая не могла физически находиться на всей территории России 17-го века, а занимала лишь её юго-западную часть.

Опущение, соответственно, прямо противоположно добавлению, дабы избежать семантической избыточности в переводе. Например, *Поражающий воображение мемориал* – *Imponujący pomnik*. Здесь в переводе мы убрали слово *воображение*, т.к. оно и так имеется в виду по смыслу.

Лексические замены предполагают использование лексем (слова или словосочетания) переводимого языка, если это необходимо. Например, *информационный стенд* – *tablica informacyjna*. Слово *стенд* заменено на *tablica*, так как оно лучше подходит по смыслу, чем заимствованная из английского лексема *stand*.

К **грамматическому уровню** переводческих трансформаций исследователи обычно относят *грамматические замены, стяжение, перестановку, синтаксические уподобление, членение предложений.*

Чаще всего заменяют:

формы слова, например: *laced over with muscle* – *перепоясанный мускулами* – замена имени существительного в ед. ч. на имя существительное во мн. ч.;

части речи: *I'd tweak the devil's nose* – *я ущипнул бы дьявола за нос* – замена имени прилагательного на имя существительное;

члены предложения, когда его синтаксическая структура изменяется, например: *Politician was hit by a tomato* – в *политика попал помидор* – дополнение стало подлежащим,

типа предложения, когда простое предложение может заменяться сложным и наоборот, например: *It was so dark that I could not see her* – *Я ее не мог видеть в такой темноте* – в русском переводе сложное предложение стало простым, но это не повлияло на его общий смысл.

Объединение предложений предполагает, что из двух или нескольких простых предложений делают сложное, например: *Your presence isn't required. Nor is it desirable.* — *Ваше присутствие не требуется и даже нежелательно.*

Разделение предложений используется в случаях, когда смысл лучше передаётся двумя или несколькими предложениями взамен одного. Например: *Но наличие одного из лучших в мире музеев, убедительно рассказывающего об ужасах Холокоста, не мешает Варшаве быть столицей государства с крайне высоким уровнем антисемитизма, граждане которого собираются в многотысячные националистические марши, проходящие в нескольких кварталах от места, где располагалось самое большое в Европе еврейское гетто.* — *Jednakże, posiadanie jednego z najlepszych muzeów na świecie, przekonująco opowiadającego o okropnościach Holokaustu, nie przeszkadza Warszawie być stolicą państwa o bardzo wysokim poziomie antysemityzmu. Państwa, którego obywatele uczestniczą w wielotysięcznych nacjonalistycznych marszach, odbywających się kilka przecznic od miejsca, gdzie niegdyś znajdowało się największe żydowskie getto w Europie.*

Перестановка означает изменение грамматического и морфологического порядка в предложении, например: *A delegation¹ of Warsaw University² students³ arrived⁴ in Moscow⁵ yesterday⁶.* – *Вчера⁶ в Москву⁵ прибыла⁴ группа¹ студентов³ из Варшавского университета².*

Синтаксическое уподобление употребляется в случаях, когда важно сохранить синтаксис оригинала.

На лексико-грамматическом уровне находятся комплексные переводческие трансформации – *антонимический перевод*, *компенсация* (*адекватная замена*), *экспликация* (*описательный перевод*).

Антонимический перевод предполагает замену формы: утвердительная форма в оригинале заменяется на отрицательную в переводе или наоборот. Например, *Жизнь в Лондоне не из дешевых, но в Москве она дороже.* – *Życie w Londynie jest dość drogie, ale w Moskwie jeszcze droższe.*

Компенсация применяется в ситуации, когда в исходном тексте присутствуют характерные языковые элементы, которые трудно перевести (или вообще невозможно). Приём компенсации может включать в себя диалекты, каламбуры, жаргоны и т. д. Например, *as quiet as a dead rooster* – *смирный, как овечка*; *the man was a pound of finger pressure from death* – *мужчина был на волосок от смерти.*

Экспликация подразумевает описательный перевод, при котором лексическая единица языка оригинала заменяется более пространным словосочетанием на языке перевода. Например, *центральная тема истории Польши, страны, неудачностью местоположения, уступающей разве только Израилю* – *jest głównym tematem historii Polski, kraju, który pod względem niefortunności położenia na mapie ustępuje chyba tylko Izraelowi.* В данном случае при переводе нам пришлось объяснять более широкое словосочетание описанием и использованием более простых слов.

В переводческой практике трансформации редко встречаются в чистом виде, они зачастую представляют собой переплетение нескольких видов (и даже примеры, приведённые выше, можно иногда относить как минимум к двум категориям).

Смыслы, неразрывно связанные с культурой определенного народа, принято называются реалиями. Их отличительная характеристика заключается в том, что они хорошо знакомы носителям одного языка и неизвестны другим народам.

Следовательно, прежде чем приступить непосредственно к переводу, необходимо осмыслить в подлиннике те смыслы, которые незнакомы аудитории языка перевода, чтобы точнее передать их коннотативное содержание. Например, «Болотная» [площадь] – для россиян, «Майдан» – для украинцев, «Гайд-парк» – для англичан были локальными реалиями до тех пор, пока переводчики не посодействовали их международному пониманию.

Отличительными чертами реалий являются их связь с определенной страной, народностью, социальной общностью, а также и принадлежность ее к определенному периоду времени. Обычно различают аббревиатуры (*ГКЧП, ЗАГС, PGR, RPL*); слова (*сарафан, polskość, rodzeństwo*); словосочетания (*дом быта, Pałac Kultury i Nauki*); предложения (*С милым рай и в шалаше; Wyrwać się jak filip z konopi.*) По означаемому предмету реалии принято разделять на географические (*Нева, Висла, Тамры, Полесье*), этнографические (бытовые – *рикша, кимоно, кафтан*), трудовые (*ялик, ковбой, ударник*), культурные (*арлекин, балалайка*), этнические (*казак, гот, янки*), реалии мер и средств обмена (*фунт, сажень, лье, франк, рубль*).

Главной трудностью в переводе реалий является отсутствие эквивалента, аналога (референта), а также необходимость наряду с семантикой реалии, передать ее национальную и историческую окраску. В нашем переводе книги Н. Эппле встречается достаточно много российских и польских реалий.

Особенности и проблемные зоны перевода

Перевод названия первой главы «Polska, czyli ciężar ofiary» был проблематичным т.к. в оригинальном тексте «Бремя» пишется с прописной буквы. Дело в том, что при условии, если имя собственное состоит из двух названий, которые соединяются союзом *или*, то первое слово второго названия также пишется с прописной буквы. Приведём пример «Смертельное блюдо, или Как не нужно готовить». В польском языке данного правила нет, поэтому слово *ciężar* (бремя) написано со строчной буквы.

Метафоричность названия привлекает дополнительное внимание образованных людей, которые знают многострадальную историю Польши и

понимают, в чём состоит её жертва, и почему эта жертва обременяет, преследует нацию как злой рок. Однако, тем не менее, следует признать, что польское слово *ciężar* не вполне отражает всё семантическое разнообразие слова *бремя*, существенно сужая значение. К сожалению, более удачного эквивалента в польском языке нам найти не удалось.

Некоторые цитаты не нуждались в переводе, поскольку легко находились в польских источниках, любезно указанных автором.

Отдельные цитаты потребовали для эквивалентного и адекватного перевода определённых трансформаций. В частности, при переводе цитаты Тины Розенберг: «Независимость – центральная тема истории Польши, страны, неудачностью местоположения, уступающей разве только Израилю, многие периоды своей истории, существовавшей в виде подпольного заговора, а с 1795 по 1989 год знавшей всего двадцать лет подлинной независимости» нам пришлось прибегнуть к приёму экспликации, т.к. более эквивалентный перевод *nieufnością rozucji* плохо вписывается в польскую речь. Поэтому мы использовали грамматическую замену падежа и замену бессоюзной связи союзной – *który pod względem niefortunności położenia na mapie*. На наш взгляд, данная замена делает текст на польском языке более понятным.

Книга Н. Эппле изобилует именами собственными. Чаще всего при переводе имён собственных мы прибегали к приёмам калькирования, транслитерации и транскрипции. Результаты приведены в таблицах ниже.

Таблица 2.

Примеры калькирования

... СССР ZSRR ...
... в Польшу na Polskę ...
... Мурановской Muranowskiej ...
... Генерала Андерса Gen. Andersa ...
... Памятник героям гетто Pomnik Bohaterów Warszawskiego Getta ...
... Речь Посполитая Rzeczpospolita ...
... Российской империи Imperium Rosyjskiego ...

Поскольку книга Н. Эппле написана в научно-публицистическом жанре, она не содержит избытка фразеологизмов, которые гораздо легче обнаруживаются в художественном или поэтическом тексте. Тем не менее, даже в названии главы «Бремя жертвы» слышна аллюзия на христианское устойчивое выражение «бремя креста», а также на устойчивое выражение в психологии «комплекс жертвы».

Что касается перевода реалий на польский язык, то ситуация облегчалась общим социалистическим прошлым двух стран. Поэтому реалии стран «Варшавского блока» были взаимно понятными. В таблице ниже мы приводим некоторые наиболее характерные примеры такого рода.

Таблица 3.

Примеры перевода языковых реалий

... НКВД ... (Народный комиссариат внутренних дел)	... NKWD ...
... Речь Посполитая Rzeczpospolita ...
... ЧК ... (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем)	... CzK ... (Wszecchrosyjska Komisja Nadzwyczajna do Walki z Kontrrewolucją i Sabotażem)
... ИПН ... (Instytut Pamięci Narodowej)	... ИИП ... (Институт национальной памяти)

Еще один важный аспект любого перевода – не идти лёгким, буквальным путём, чтобы невольно «не подорваться на mine», которая называется «ложным другом переводчика». Ниже мы приводим один пример подобного «разминирования». Русское слово *мемориал* не может быть эквивалентно переведено как *memoriał*, ибо в польском языке оно означает *письмо, адресованное властям, содержащее просьбы или комментарии по вопросам, представляющим общий интерес*. Эквивалентным мемориалу в польском языке является слово *pomnik* – статуя, обелиск, мемориальная доска и т.д., установленные в честь какого-либо лица или в память о каком-либо событии.

И, наконец, наиболее распространённые случаи во время перевода – переводческие трансформации. В таблице ниже мы приводим случаи, в

которых сочли их использование необходимым, приводя ниже в комментариях уточнения по поводу того, какого рода переводческая трансформация применена.

В частности, наиболее количество примеров связано с **лексическими** **заменами** (генерализация, конкретизация, модуляция), **синтаксическими** **заменами** (замена сложного предложения простым, замена простого предложения сложным, сложносочинённого – сложноподчинённым, союзной связи – на бессоюзную), замена **частей речи** (замена сложного существительного на сочетание прилагательное плюс существительное), замена **формы слова** (замена числа, рода, падежа, времени).

Таблица 4.

Примеры использования переводческих трансформаций

<p>Но наличие одного из лучших в мире музеев, убедительно рассказывающего об ужасах Холокоста, не мешает Варшаве быть столицей государства с крайне высоким уровнем <u>антисемитизма</u>, граждане которого собираются в многотысячные националистические марши, проходящие в нескольких кварталах от места, где располагалось самое большое в Европе еврейское гетто.</p>	<p>Jednakże, posiadanie jednego z najlepszych muzeów na świecie, przekonująco opowiadającego o okropnościach Holokaustu, nie przeszkadza Warszawie być stolicą państwa o bardzo wysokim poziomie <u>antysemityzmu</u>. Państwa, którego <u>obywatele</u> uczestniczą w wielotysięcznych <u>nacjonalistycznych</u> marszach, odbywających się kilka przecznic od miejsca, gdzie niegdyś znajdowało się największe żydowskie getto w Europie.</p>
<p>Комментарий: при переводе был использован приём членения предложения, для лучшего усвоения реципиентом информации.</p>	
<p>Сколько-нибудь внятное <u>изложение</u> такой комплексной картины в рамках предпринимаемого здесь <u>краткого очерка</u> невозможно.</p>	<p><u>Nieemożliwe</u> jest jakiegokolwiek <u>jasne przedstawienie</u> tak złożonego obrazu w ramach podjętego tutaj krótkiego eseju.</p>
<p>Комментарий: при переводе словосочетания <i>изложение очерка невозможно</i> был применён метод перестановки, в случае которого предикатив был смещён в начало предложения.</p>	
<p>4. Польша, или Бремя жертвы</p>	<p>4. Polska, czyli ciężar ofiary</p>
<p>Комментарий: обратим внимание на замену союза <i>или</i> на союз <i>czyli</i>. Эквивалентом союза <i>или</i> в польском языке является союзы <i>albo, lub</i>. Однако мы решили использовать союз <i>czyli</i>, так как он объясняет то, что было</p>	

написано перед ним (spójnik przyłączający zdanie lub wyrażenie wyjaśniające, np. Ola, czyli moja siostra). Союз <i>или</i> имеет более широкое значение в русском языке, в то время как в польском союз <i>czyli</i> – более узкое. То есть при переводе был использован приём генерализации.	
... собираются uczestniczą ...
Комментарий: здесь мы использовали приём генерализации, так как <i>собираются</i> – группируются каким-либо образом, имеет более широкое значение, чем слово <i>uczestniczą</i> — brać w czymś czynny udział, współdziałać w jakiejś akcji. Лексемы в обоих парадигмах совпадают (3 лицо настоящего времени), так что необходимости прибегать к приёму грамматической замены нет.	
Мемориал ...	Pomnik ...
Комментарий: при переводе был использован приём генерализации, т.к. слово <i>мемориал</i> имеет более широкое значение, чем <i>pomnik</i> .	
... именно właśnie ...
Комментарий: так как слово <i>именно</i> имеет более узкое значение, чем слово <i>właśnie</i> , то при переводе был использован приём генерализации.	
... информационный стенд tablica informacyjna ...
Комментарий: так как <i>стенд</i> имеет более узкое значение, чем <i>tablica</i> , при переводе был использован приём конкретизации. Так же был использован приём замены категории рода – мужского на женский. Здесь был использован и приём обратного порядка членов предложения, прилагательное – существительное заменено на существительное – прилагательное.	
... небольшой стенд – сочетание довольно красноречивое mała gablota stanowią dosyć wymowną kombinację ...
Комментарий: слово <i>красноречивый</i> имеет значение «ярко и убедительно свидетельствующий о чём-либо, доказывающий, утверждающий что-либо. Какие-то факты», в польском языке существует эквивалент <i>wymowny</i> – umiejąco dobrze przemawiać. Однако морфема <i>красн</i> имеет более широкое значение, чем в польском языке, поэтому в таком случае можно говорить о применении приёма конкретизации.	
В 15 минутах ходьбы ...	15 minut spacerem ...
Комментарий: слово <i>ходьба</i> в значении «регулярно перемещаться, совершать возвратно-поступательное движение, курсировать» имеет более широкое значение, чем <i>spacer</i> – niespieszne chodzenie bez konkretnego celu, dla przyjemności. Поэтому в этом случае при переводе был применён приём конкретизации.	
... на пересечении na skrzyżowaniu ...
Комментарий: эквивалентным переводом можно считать слово <i>перекрёсток</i> . Однако слово <i>пересечение</i> имеет более широкое значение, чем <i>skrzyżowanie</i> . При переводе был использован приём конкретизации.	
... выбиты wytłoczono ...
Комментарий: 1. При переводе была использована замена части речи. Так как в польском	

языке не существует краткой формы страдательных причастий. Поэтому краткое причастие страдательного залога было заменено глаголом.	
2. Можно было использовать слово <i>odbito</i> в значении <i>naciskając, zostawić na czymś ślad, obraz lub odcisk czegoś</i> , однако данное слово имеет несколько значений, например: <i>uwodząc, zabrać komuś męża, żonę, dziewczynę i t.p.</i> , из-за которых реципиент может неправильно понять. Поэтому мы выбрали слово с более узким значением – <i>wytłoczono</i> (<i>nanieść jakieś wzory, litery na papier, tkaninę, skórę itp., odkształcając ich powierzchnię</i>), что соответствует значению в толковом словаре Ожегова «ударами сделать углубление в чём-н.; вычеканить. Выбить надпись на камне. Выбить медаль».	
... получивший które ... otrzymało ...
Комментарий: при переводе мы заменили грамматическую форму действительного причастия <i>получивший</i> на <i>czasownik przechodni dokonany w 3 osobie otrzymało</i> .	
... Речь Посполитая Rzeczpospolita ...
Комментарий: в данном случае мы перевели заимствованное из польского языка слово на его полный эквивалент.	
... гомогенная страна jednorodny kraj ...
Комментарий: где при переводе слова <i>гомогенный</i> (одинаковый по составу, свойствам, происхождению частей; однородный) был использован приём грамматической замены категории рода (ж. р.) на <i>jednorodny kraj</i> (г. м.).	

Подводя итоги теоретической подготовки к переводу текста с русского языка на польский, собственно переводческого труда и последующей лингвистической рефлексии над ним, важно сделать предварительно несколько замечаний общего характера.

Хотя критика содержательной стороны книги Н. Эппле «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах» [14] существенным образом выходит за рамки данной работы, тем не менее, нам представляется необходимым обратить внимание на одну диспропорцию, на некоторую «избирательность» автора, которая в книге не объяснена надлежащим образом. Дело в том, что в контексте Польши наряду с описанием межэтнических проблем и болевых точек (в случае поляков и евреев – антисемитизма и трагедии в *Едвабне*), автор мог бы параллельно проанализировать не менее масштабную и болезненную историческую проблему «проклятых солдат» (*Żołnierze wyklęci*), которая, словно острый скальпель, разрешила стремление поляков к единению нации на протяжении

десятилетий. И даже статистически количество жертв репрессий «проклятых солдат», которые боролись за свободу Польши «с неправильной стороны», вполне сопоставимо с количеством жертв польского антисемитизма. И, как нам кажется, материалов для подобного анализа можно найти не меньше, чем для анализа польского антисемитизма. Тем не менее, автор проблему «проклятых солдат» затрагивает лишь вскользь, сосредоточив своё внимание на «неудобном прошлом», связанном с преследованием евреев. Разумеется, выбирать объекты исследования – это воля автора, однако, на наш взгляд, для российской аудитории тема «проклятых солдат» гораздо менее известна (и даже скорее совсем неизвестна), ибо мало кто может различить Армию Крайову от Армии Людовой (широко известной по популярному советско-польскому фильму «Четыре танкиста и собака»). Книга Н. Эппле получила престижную премию „Просветитель“, однако именно с просветительской точки зрения было более логично освещать наименее известные россиянам фрагменты польской истории, её «неудобное прошлое».

Невзирая на описанную выше своеобразную «оптику» автора, мы сознательно избрали для перевода фрагмент данного научно-публицистического текста по нескольким причинам.

Во-первых, чтобы подчеркнуть его важность и актуальность для польской публичной сферы, чтобы взгляд автора рассматриваемой книги, либерального интеллектуала из России, все же стал частью публичного диалога (и как раз поэтому, если представится такая возможность, хотелось бы опубликовать текст перевода, невзирая на возможные проблемы с авторскими правами). Известно, что деятельность совместной рабочей группы польских и российских историков по т.н. «трудным вопросам» зашла в тупик, группа не собиралась уже много лет, и, следовательно, межкультурный диалог сузился. Избранный для перевода текст предоставляет, на наш взгляд, ещё один шанс для возобновления этого диалога.

Во-вторых, книга Н. Эппле – это возможность упражняться в переводе на наиболее сложных образцах в рамках высокой степени возможной

верификации. В этом смысле собственно художественный текст, и особенно поэтический, представляет собой скорее дискуссионное поле и даёт больше возможностей для произвола (или собственного прочтения) переводчика, который всегда может заявить: «А я так вижу». В переводе научно-публицистического текста такой «субъективный» манёвр невозможен, ибо в нём гораздо выше удельный вес рациональности и причинно-следственных связей.

И здесь мы столкнулись, пожалуй, с главной проблемой: события и процессы в Польше, которые Н. Эппле описывает для русскоязычной аудитории, самим полякам (по крайней мере, старшему поколению) уже известны. То есть денотативное содержание, которое отражает объективные свойства описываемых явлений, и сигнификативное содержание, которое является схожим у людей одной и той же этнической общности, связанных культурой, историей и языковой традицией, у поляков (потенциальной аудитории перевода) уже есть. А вот интерпретативное содержание (индивидуальное толкование автора текста) может быть предметом несогласия (или когнитивного диссонанса), о чём сам Н. Эппле писал, приводя данные социологических опросов. Следовательно, есть высокая вероятность того, что взгляд российского исследователя вызовет вопросы у польской аудитории, что, кстати, очень полезно для продуктивного диалога.

Поскольку адекватность перевода подразумевает его соответствие коммуникативным условиям конкретного акта межкультурного общения, то возникла проблема выбора между дезиративно-адекватным переводом (чтобы он соответствовал запросу потребителя, желаниям и ожиданиям поляков от текста российского интеллектуала) и функционально-адекватным переводом (при котором важно сохранить и передать доминирующее сообщение даже при существенных различиях культур, даже у условиях угрозы переводу быть не принятым аудиторией). Мы выбрали вторую стратегию, принимая во внимание, прежде всего, установку автора текста и его желание описать и оценить исторические события, которые могут быть полякам эмоционально неприятны,

но от этого не перестают быть основанными на проверенных фактах и доказанных явлениях.

Список литературы:

1. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории, М.: Международные отношения, 2008. 180, [1] с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М: URSS, 2017. 235, [3] с.
3. Валеева Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. 3-е изд., испр. и доп. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2018. 244 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / [Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной]. М.: Языки русской культуры, 1999. XII, 776, [1] с.
5. Зубжицки Ж. *Polonia semper fidelis?* Национальная мифология, религия и политика в Польше // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 44-78.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС. 1999. 192 с.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Альянс. 2013. 250, [3] с.
8. Кулемина К.В. Основные виды переводческих трансформаций // Социально-гуманитарные исследования. 2007. № 5. С. 143-146.
9. Латышев Л.К. Технология перевода: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение». 4-е изд., стер. М.: Академия. 2008. 316, [1] с.
10. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод, М.: Воениздат, 1980. 237 с.

11. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 202-228.

12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. М.: ООО «Издательский дом "Филология три"», 2002. 416 с.

13. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 214, [1] с.

14. Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

15. Яновски М. Едвабне, 10 июля 1941 г.: Дискуссия о событиях одного дня // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 124-159.

Сведения об авторе:

Хруль Станислав – магистрант кафедры русистики факультета прикладной лингвистики Варшавского университета (Варшава, Польша).

Data about the authors:

Chrul Stanisław – master's degree student of Russian Studies Department, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

E-mail: s.khroul@student.uw.edu.pl.